

Он знает, кто был зачинщиком беспорядков. Он знает, кто выпустил их из камер. Он читает это в кодированных данных, текущих

сквозь него подобно неукротимому току. Они хорошо спрятали следы, но это - его мир. Как никто другой он знает скользкие тропки

архаичного ядра данных Пенаторы, поскольку он -- оператор-бенефициар Шестерни.

Они что-то ищут. Нечто под названием «Надший объект»

Для него это пустой звук.

Он идет по их следам, исследует и ищет, пытаясь понять. Они разрушают его мир, чтобы заполучить эту вещь. Но зачем?

Это не нечто, внезапно понял он. Это - некто.

Его сгубила самоуверенность. Он их недооценил. Они видят его сквозь данные. Он пытается отступить, скрыться от их взгляда, но

ему не хватает скорости. Они понимают,

что он видит их.

И теперь они идут за ним.

...

...

Люди. Неаутентичированные.

Немеханизированные. Хилые, нелогичные, склонные ошибаться органические создания, управляемые

иррациональностью и эмоциями. Я не чувствую родства с ними.

Я не понимаю их, и не имею никакого желания или нужды понять. Я испытываю дискомфорт в их присутствии, и, самое собой, в

моем присутствии они чувствуют то же самое.

По правде говоря, я презираю их за ложь, индивидуальность и слабость, но все же моя задача — защищать их. Умереть за них, если

будет нужно. Таково мое предназначение.

Я - брат Дольтек из Ордена Железных Рук. Клан Кааргүл, 4-ый Tактический. Я - генетический сын Горгона, Железного

примарха, Ферруса Мануса. Я был создан
для войны, изменен генетически и
механически, чтобы убивать врагов
человечества. Убивать во
имя Императора и благословенного
Омниссии. Да восславятся они.

Я родился человеком, покрыт кричащим
существом из плоти и крови. Это
раздражающий факт, и он беспокоит меня,
когда я

думаю о нем. Но, к счастью, это бывает
редко. Когда я был ребенком, меня взяли в
Орген и сделали тем, кто я есть. Я
превратился

в нечто большее, чем человек, нечто
совсем иное. Я начал продвигаться к
единению с благословенной машиной. Я
немного

полню из того времени, когда был
неаугментирован, чему я весьма рад. О
жизни до Оргена я ничего не знаю и знать
не хочу.

Хнычущий комок плоти, которым я когда-
то был, утер. Скоро от него уже ничего не

останется.

Я стою среди одетых в серую форму
ополченцев Шестерни, гигант в черной
бронированной броне среди детей. Облаченный в
механически

модифицированную боевую броню образца
«Странник», я более чем на три головы
выше самого рослого из них. Большинство
из

них проявляет физические признаки
страха. Мне и моим братьям страшно
неведом, но мы научились распознавать его
проявления в

низших существах. Мануфактур
проволял их потом. Это отвратительно.
Так пахнет слабость. Я переключаюсь на
дыхание

рециркулированным воздухом.

Всего ополченцев тридцать два человека,
есть и мужчины, и женщины. Они
вооружены лазганом и одеты в легкую
панцирную

пласт-броню. Она обеспечивает их
хрупким телам из плоти хоть какую-то

защиту.

Также здесь находятся два легионера-скитария. Я слышу, как они гудят и пощелкивают, общаясь между собой на бинарном языке.

Я чувствую больше родства с ними, чем с неаугментизированными ополченцами. Эти воины истребительной группы вооружены роторными пушками с ленточной подачей снарядов. На них можно положиться. Но даже их недостаточно. Этот мануфактур,

обозначенный как Шестерня 349, уже мертв.

Враги уже почти прорвались сквозь укрепленные противовзрывные двери. Они помогают себе пневмобуртами и лазерными резакми. Осталось недолго. И мне это нравится. Я с нетерпением жду того момента, когда смогу вступить в бой. Братья из моего

отделения, сражающиеся где-то в другом месте этого лунного комплекса, уже обогрели клинки кровью. Теперь моя

очередь.

Раздается свист и скрежет, внезапно на лбу изливается поток расплавленного металла. Сработали тепловые заряды. Двери пробиты, и вот враг перед нами -- целое море людей. У каждого на лбу истрекотное наказание за преступления.

Уровень 4Б

+. Убийцы, насильники и подстрекатели.

От мысленного импульса в моих руках оживает силовой мотор со стилизованным шестерню лезвием. По его зубцам проходят

мощные потоки энергии. В правой руке я сжимаю болтер. Бионические компенсаторы отдачи в механической руке напрягаются,

когда я выбираю цель.

- Атакую, - говорю я, оповещая отделение о своем действии по закрытой вокс-сети.

- Хороших убийств, брат, - доносится в ответ голос Хальдаарна, сержанта моего отделения. Расстояние и высокий уровень помех

искажают его механический голос и
перекрывают его потрескиванием.

Я открываю огонь.

...

Взгляд бенефициара Арлика блуждает по
потокү данных. Подобно водопадү они
проносятся по экранү, что светится под
его

пальцами. Еще больше информации
поступает непосредственно в корү
головного мозга по слегка вибрирующим
кабелям,

подключенным к разъему на левом виске.
Все данные говорят об одном: Пенатора
IV утирает.

Толпа выбила двери. Повсюду идет
стрельба. Масштабы поражают. Он
регулирует свои слуховые
шумоподавители и продолжает
работу.

Он был бенефициаром Шестерни 349 на
Пенаторе в течение семнадцати лет. До
этого он семь лет проработал
помощником

бенефициара первого класса, поднявшись из рядов технического персонала, приписанного к Шестерне 349.

Его специальностью всегда была оптика. Нет на свете человека, который знал бы о глазах больше, чем Артик.

Шестерня-349 — это его жизнь. Он не знает другой. И он знает, что через несколько минут станет жертвой жаждущей убийства толпы.

Он знает, что мало кому нравится. Он не поддерживает ни с кем связи. У него нет никого, кого бы он мог назвать «другом». Однако

все же, он эффективен, и за семнадцать лет работы бенефициаром ни разу не позволил производству Шестерни-349 упасть ниже уровня, установленного генеральным планом Пенаторы.

Рабочие из его бригады смеются над ним, когда думают, что он не видит. К ним присоединяется даже младший техперсонал. Они

считают его кем-то вроде чудака, объекта насмешек и розыгрышей. Дурака. Постешища.

Они смеются над его ежедневными ритуалами и неизменной рутинной. Они ухмыляются, глядя на отутюженные стрелки (семь

секунд под паровой пластиной на каждую, ежедневно ровно в 05.00) и тщательно разделенные и приглаженные волосы (восемь

движений расческой направо, пять налево, в 05.14). Но он не возражает, и даже не проявляет недовольства. Он и не ожидает, что

они поймут.

Порядок - его жизнь. Его комфорт. Но теперь его упорядоченное существование рушится. Пенатору JV рвут на части. Когда до него

и его подчиненных дошли новости, внешне он сохранил спокойствие. Так было надо. Именно это было необходимо его рабочим.

Беспорядки начались как обычная свара в

продуктовой очереди в трюсбах нижних
жилых уровней. Без сомнений, обычное
дело.

Продуктовые войны между кварталами
чернорабочих Шестерни случались
ежемесячно, если не еженедельно, но через
несколько

часов обычно восстанавливался порядок.
Появление ополчения Шестерни обычно
быстро прекращало военные действия -
угроза

лишения свободы, стирания разума и
лоботомирования может быстро призвать
к порядку даже полуголых хаб-рабочих.

Бенефициары Пенаторы IV были
жесткими хозяевами. Любое волнение
подвергало опасности уровень
производства, а его

снижение было недопустимо.

Вмешательство скитариев требовалось
редко. Однако, на этот раз оно было
санкционировано. Но даже полуголота
воинов

истребительной группы не сумела

подавить беспорядки. Скорость, с которой
разгорался бунт в хаб-трүщобах, была
беспрецедентной.

Вскоре до всех разбросанных по субсектору
постов наблюдения донесся сигнал тревоги.
Причиной для него и послужила
полномасштабная, охватившая все
предприятие авария, а точнее, перегрузка
исправительных камер спутника.

Более одного миллиона семисот сорока
двух тысяч заключенных одновременно
вышли на свободу, вольные действовать по
своему

устотрению. Такое считалось
невозможным, но тем не менее это не
стогло остановить начавшиеся вскоре
убийства. Насилие

распространилось, как пожар в
засушливом лесу. Через несколько часов все
лүнное соорүжение погрузилось в безүтие
матежа и

бойни.

Армик, напрямую подключенный к сети
Пенаторы набором черепных кабелей,

обновлял данные о ходе восстания по мере их

поступления.

Некоторые рабочие хотели сбежать. Он отпустил их -- даже не пытался останавливать. Большинство по его просьбе решило

остаться. Они работали на своих постах, продолжая выполнять обязанности, даже когда Пенатора JV пылала.

Уровень производства Шестерни-349 сохранялся. Производство в большей части из девятисот сорока шести составлявших

лунное сооружение Шестерней остановилось, но Шестерня-349 продолжала выпуск продукции.

Бенефициара Артика ничуть не волновало, что бионические глаза, произведенные на его Шестерне, вероятно, теперь пропадут зря. Начальство не давало ему

приказа прекратить производство, и он не прекратит.

Армик думал, что в этом есть некая возвышенная красота. Шестерня-349 была островком порядка посреди хаоса. Это наполняло

его гордостью.

Но теперь уже почти все кончено.

Даже включив на полную мощность шумоподаватели, он слышит рев толпы и резкое стаккато выстрелов. Их так много... Тем не

менее, Армик очень гордится своими рабочими. Они не колеблются. Они продолжают выполнять свою работу даже в таких

условиях.

Бенефициар Армик находится на своем автоматизированном рабочем месте, которое расположено на некотором возвышении. Ему

кажется, будто он находится на острове, и что кипящая масса людей под ним — надвигающийся прилив. Лазерные лучи свиваются

во что-то позади него, но он не

взрывает. Пуля попадает в расположенный рядом инфомонитор и разбивает стеклянную

поверхность, но он лишь переводит поток данных на вспомогательный инфопланшет и продолжает работать.

В данный момент они карабкаются к нему, их лица искажены животной яростью. Бенефициар Армик спокоен, несмотря на

бүшующий вокруг хаос.

В конце концов, порядок -- это все, что у него есть. Он держится за него. Порядок дарит ему комфорт.

Он будет до конца выполнять свой долг, а затем наступит покой.

...

Мой первый выстрел попадает бритоголовому четко в лоб. Выжженный в слабой плоти знак уголовного - прекрасная тишина.

Реактивный заряд пробивает голову и взрывается на вылете из задней части черепа. Взрыв превращает голову в брызги

крови,

шрапнели и осколков кости.

Толпа настолько плотная, что взрыв убивает еще пятерых. Болтерные заряды созданы для применения против бронированных

целей. Против безоружных противников, таких как эти, они совершенно опустошительны. Я признаю, что это излишне, но масштаб

разрушения оказывает эффект. Я вижу шок и ужас тех, кто стоит позади. На их лица налипли кусочки мяса -- все, что осталось от их

товарищей. Мой второй выстрел снимает еще троих. Третий выстрел - пятерых.

При стрельбе мой болтган издает глубокий приятный звук, тягучую непрерывную ноту, которая почти заглушает шипящий свист

лазганов ополченцев и даже рев роторных пушек скитариев истребительной группы.

У беглых заключенных даже есть оружие, которое они взяли у охранников или

убитых ополченцев, и они открывают
ответный огонь, но подавляющее
большинство вооружено не более чем
кустарно изготовленными дубинами и
клинками. Они с криком яростно
бросаются вперед, давя упавших и
втаптывая их в пол. В голову стоящего
рядом со мной человека попадает лазерный
заряд, его

плоть поджаривается и он молча падает.
Другой заряд попадает в меня, опалив
броню.

Большое число повстанцев выкашивает
огонь ополченцев. Роторные пушки
скиитариев, разрывая плоть, ревут как
двигатели

"Грозового Ястреба". Ударные волны от
разрывов моих болтов подбрасывают
людей в воздух. Тридцать, сорок,
пятьдесят убиты, и

вот они приближаются, подходят
вплотную к нам.

Я вырываюсь вперед, чтобы встретить
их, и сокращаю дистанцию до трех шагов.

Они отступают от меня, и правильно делают, но

на них напирают сзади, поэтому деваться им некуда. Я врываюсь в середину толпы, делая широкий взмах своим древним топором.

Зазубренное лезвие с легкостью проходит сквозь людей, одним ударом отрывая конечности троим и взрываясь в мышцы, мясо и

кости. Горячая кровь бьет подобно трель извергающимся гейзерам.

Я пинаю одного из них в грудь. Грудная клетка сминается, а органы превращаются в мягкую массу и вдавливаются друг в друга.

Ломаются кости. На обратном движении я бью еще одного задником болтера. Его шея отчетливо хрустит, и он как живой снаряд

улетает в толпу, сбивая с ног еще троих. Еще один болт с близкой дистанции - четверо убитых, трое тяжело раненых - и я убираю

болтер, вешая его на магнитный захват на бегре.

Я пробиваю кулаком голову оказавшегося слишком близко врага. Сила удара выбивает ему затылок. Как же они хрупки, эти

неаугментированные. Их кости так легко ломаются. Я погружаю свой топор в чью-то голову, разрубая его от макушки до грудины.

Вытаскиваю лезвие, на котором дымится кровь.

Один из них настолько безрассуден, что пытается меня ударить. У него силовая глубинка, из тех, что используют надзиратели в

тюрьмах. Мой топор разрубает это оружие пополам вместе с владельцем.

Большая часть ополченцев убита, из скиитариев в строю остался только один. Я слышу, как он пытается связаться со своей погибшей истребительной группой на бинарном боевом жаргоне. Стволы роторной пушки раскалены докрасна.

Скитарий

стравливает пар, прекратив огонь, и тут же оказывается погребен под вонючей людской массой. Унизительный конец для того, кто

един с машиной.

Я продолжаю убивать, создавая открытое пространство везде, куда перемещаюсь, но я - всего лишь один боевой брат. Они не могут нанести мне урон, но и я не могу остановить их всех.

- Обновление тактической информации.
Шестерня-349 потеряна, - говорю я, прорубаясь наружу. Мое дыхание не тяжело. Основное

сердце бьется в спокойном ритме. Вторичное сердце бездействует -- нет нужды запускать его для такой разминки.

Я падаю на одно колено и подрубаю ноги противника в области бедер. Они падают, жалобно крича, из них не удержи́тым

поток изливается зловонная органическая жидкость. Пока я

поднимаюсь, убиваю еще одного. Мой тонор
вскрывает его от паха

до горла. Внутренние органы
вываливаются на пол. Он цепляется за свои
внутренности и утирает.

- Принято, - пробивается сквозь помехи
голос сержанта Хальдаарна. На заднем
плане я слышу треск выстрелов. -- Отхожу
к моей

позиции, брат Дольтек. Ты сделал то,
что было нужно. Как понял?

- Подтверждаю, - отвечаю я.

Моя цель состояла не в том, чтобы
удержать Шестерню-349. Она и должна
была пасть.

Я увеличиваю громкость вокс-усилителей
своего шлема.

- Бенефициар Армик, - Мой голос похож на
механическое рычание, поскольку призван
внушать страх.

Разъяренная толпа подбегает к нему
подобно примитивным нещерным людям. Я
прицеливаюсь. Болт попадает одному из
них в

поясницу. Спустя мгновение от него остаются лишь брызги крови, ошметки плоти и пара рук, которые на мгновение вцепляются в

перекладину, прежде чем упасть. За ним утирают и остальные

- Бенефициар Армик, - повторяю я. - Вы идете со мной.

...

- Возьмите, - говорит черный бронированный гигант Agentus Астартес, бросая ему вырванный из мертвых рук плазган. Армик

неуклюже ловит его. Пол вокруг них усеян телами жертв гнева костического десантника. -- Вы умеете им пользоваться?

- Да, - отвечает Армик. Трясущимися руками он проверяет элемент питания -- половина заряда. Предохранитель снят. Приклад в

рабочем положении.

- Используйте его, - приказывает гигант.

Армик прижимает приклад к плечу и

нажимает на спусковой крючок. Выстрел уходит вверх, попадая в переборку, от чего краска на

ней чернеет и отваливается. Небольшая отскачка. Взяв поправку, он снова стреляет. Его второй выстрел также уходит мимо цели, но

третий попадает. Он бьет здорового заключенного в грудь, поджаривая плоть и поджигая его оранжевый тюремный комбинезон.

- Хорошо, - произносит гигант. Каждый выстрелом он убивает по несколько врагов. - Поглотите.

Железнорукий движется сквозь них как коса, убивая каждым ударом. Он непрерывно перемещается, вынуждая противников

отступать. Разъяренный бог среди людей, неудержимый и ужасный в своей мощи. Об него ломаются клинки, а выстрелы ricochetт

от его бронированной фигуры, едва оставляя след. Его ответные действия

полны смертельной силы.

В технике его боя нет никакой красоты, расточительности или утонченного изящества. Армику кажется, что каждое движение имеет

целью убийство с минимальными затратами энергии. Похоже, что это превосходное сочетание затрачиваемых усилий и

получаемого результата.

Разрушение, которое оставляет позади себя этот костогесантник, пугает Армику намного сильнее, чем орущая толпа.

Но их так много. Так много, что Армика не сумеет промахнуться из лазгана. Он снова и снова стреляет в толпу. Он стреляет, пока

энергоячейка оружия не иссякает. Враги напуганы.

Что-то сбоку бьет Армику в голову. Он вскрикивает и падает на колени. Он касается головы, и его пальцы натыкаются на кровь.

Кровь бежит по его шее. Поток врагов приближается.

Внезапно рядом с ним возникает Железнодорожник. Он отбрасывает врага назад, расчищая круг посреди моря людей. Его гудящий

зазубренный топор вгрызается в плоть, разрывая ее на части, рывкает болт-пистолет. Там, где мгновение назад был человек,

повисает кровавый туман. Он оседает на облаченном в черное гиганте и на самолете Арктике. Он даже чувствует на губах вкус крови.

- Придется найти другой путь, - говорит гигант. - Здесь нам не пройти.

...

Шестерня-349 пылает. Математики добрались до хранилищ с прометием и другими горючими жидкостями, и пустили их в ход.

Контящие черным дылом пожары быстро выходят из-под контроля.

Брат Дольбек целеустремленно

вышагивает впереди, пробившись сквозь
врагов. Чтобы поспевать за ним,
бенефициару Армику

приходится бежать. Болтер
костодесантника дергается влево -- цель
поражена -- затем вправо -- цель поражена.

Теперь они находятся позади передовой
волны мятежников. Те, кто остались на
пути, разбегаются при виде огромного
бронированного гиганта. В его облике они
видят саму смерть.

В поле зрения нет целей, и взгляд Армика
падает на Железнорукого. Огромная
фигура пугает его. Он просто слишком
крупный --

Армик не может найти разумного
объяснения.

Закованный с ног до головы в черную
боевую броню, он больше похож на машину,
чем на нечто, что когда-то было
человеком. На

его левом наплечнике лазером
выгравирован символ белой перчатки. У
него механическая походка человека,

которому заменили

ноги. Артик ясно видит это, ведь, в конце концов, он посвятил созданию сервиторов всю свою жизнь. Насколько он может понять, левая рука гиганта полностью атлетическая от самого бицепса. Его шлем пугающе невыразителен, а правое полушарие

представляет собой бронированный металлический череп, усеянный датчиками, массивами связи и сложными прицельными

устройствами. Он задается вопросом, насколько похоже лицо гиганта под шлемом.

...

Они обнаруживают небольшой служебный подъемник неттогит более чем в километре за границами Шестерни-349. Путь к нему

узок и извилист. Наплечные пластины брата Дольмека скребут по стенам тесного прохода. Их обдает запахом гари.

Между ними двоими нет ничего общего, кроме неестественной практичности.

Повернуть налево. Остановиться.

Подождать. Бежать.

Левый висок бенефициара Артика все еще кровоточит. Он безуспешно пытается оттереть пятно, оставшееся на лацкане.

Несмотря

на давку, он получил лишь несколько царапин и ушибов. Ничего серьезного.

Основное внимание врагов досталось гиганту из Железных Рук. Его броня опалена и покрыта отлетилами от пуль, хотя это не

замедлило его. Конье выстрела из лазгана ударило его в левое запястье, повредив бионику, и теперь она периодически искрит.

Чтобы добраться до подъемника, им приходится выйти из темных служебных коридоров. Они скрываются в тенях. Мимо входа

проносится группа матерых заключенных. Их окровавленные кулаки сжимают оружие.

- Держись за тную, - приказывает

Железнодорожный. Не дожидаясь ответа, он бросается на группу сади.

...

Я выхожу на открытое место. Рывкает болтер. Три выстрела. По стенам промышленного комплекса разлетается тасо.

В ограниченном пространстве звуки отдают эхом. К этому перекрестку ведут четыре коридора. С трех направлений слышны

приближающиеся шаги. Я различаю звуки, отражающиеся от стен коридоров. Одиннадцать человек на дистанции пятидесяти

метров, быстро приближаются. Один из них ранен или травмирован, слегка подволакивает левую ногу. Двое несут тяжелый груз. Я

слышу звяканье металла о металл лент с боеприпасами. Тяжелое оружие.

- В подъемник, - командую я.

Бенефициар, хромота, выходит вперед и набирает на расположенной рядом с

закрытой дверью подъёмника клавиатуре
семизначный код. Я не вижу клавиатуры,
но определяю нажимаемые цифры по
сокращениям мышц руки и плеча. Семь,
два,

четыре, шесть, пять, два, один.

Я слышу, как кабина начинает
подниматься. Я понимаю, что она на
девять этажей ниже. Слишком медленно.

Первая группа появляется из-за поворота в
десяти метрах от нас. Кладу первого. Его
грудь взрывается, забрызгивая остальных.

Шокирующий вихрь крови заставляет их
замереть на долю секунды.

Глупцы. Я сокращаю дистанцию и вырезаю
всех, не тратя боеприпасы.

Я слышу, как приближается следующая
группа, и беру на прицел один из
вспомогательных коридоров. Он плохо
освещен — люмен-

полосы на потолке лишь слабо мерцают.
Я стреляю за долю секунды до того, как
вижу цель. Болтерный заряд попадает
первому

человеку в горло. Энергия выстрела
бросает преступника на стену, и спустя
микросекунду болт взрывается,
обезглавливая его.

Кабина все еще находится двумя уровнями
ниже. Сразу с трех направлений
появляются фигуры, сразу же
открывающие огонь.

Четверых я убиваю сразу. Но этого
недостаточно. В мою сторону летят
выстрелы лазеров и пули автоганов. Одно
попадание в

колени, два в грудь. Мой ответный огонь
убивает еще двоих.

Один из них, широко расставив ноги,
поднимает тяжелый стаббер. Мой болтер
уже поворачивается в его сторону, но я не
успеваю.

Будь проклята моя слабая плоть.

Он стреляет.

Ствол изрыгает метровый язык пламени,
выпуская ливень крупнокалиберных пуль.

...

Могучий воин стоит перед бенефициаром

Арликом, закрывая его своим телом.
Арлик сжимается, его лицо бледнеет и
кривится в

страхе, поскольку выстрелы прошивают
стену, пробивая в металлических листах
отверстия с рваными краями. Десятки
пуль

попадают в костического десантника, но
он не падает. Он продолжает стоять. У
отвечает огнем.

Прибывает погъемник. Три
расположенных одна поверх другой двери
разъезжаются в стороны подобно векам
некой ржавой

металлической рептилии. Кабину слабо
освещают несколько мигающих красным
светом люмен-шаров.

Арлик замирает, застывает на месте.
Железнорукий толкает его - слишком
сильно - он влетает внутрь и бьется о
дальнюю стену.

Он вскрикивает, вывихнув плечо.
Костический десантник пятится следом,
стреляя на ходу. Погъемник заметно

прогибается под его

весом. Врагов все больше и больше. Вокруг стучат пули.

Двери не закрываются.

- Перегрузка, - произносит сервитор, вмонтированный в контрольную панель кабины. Он представляет собой не более чем голову и

верхнюю часть туловища, почти полностью скрытые ребристыми кабелями и трубопроводами. На его лбу можно разглядеть

полустертое клеймо со штрихкодом -- когда-то он был заключенным здесь, на Пенаторе IV. -- Максимум шесть сотрудников.

Раздается стех Артика, похожего сейчас на кучу хлама, лежащего на полу кабины. Железнорукый бросает на него мимолетный

взгляд. Его шлем искорежен, и левая линза разбита и безжизненна. Он снова смотрит в коридор и стреляет из болтера через двери

погъемника. Слышатся крики и
отвратительный звук разрывающегося
теса.

Из левого запястья костогесантника
выскальзывает механогендрит,
колеблющийся в воздухе как пиявка в
поисках крови. Секунду

он дергается туда-сюда, затем бросается
вперед, погружаясь в разъем на горле
сервитора. Бледное, лысое существо
начинает

дрожать и спазматически подергиваться,
его органические, молочно-белые глаза
закатываются.

- Перезагрузка кодов, - булькает сервитор.
Все три двери с хлопком закрываются,
ревут и воют моторы. Они начинают
подниматься.

Отпустив сервитора, механогендрит
начинает с треском и щелканьем
втягиваться обратно.

Костический гесантник вешает оружие на
магнитный захват и деактивирует
крепления своего поврежденного шлема.

Когда он

снимает его, раздается легкое шипение, сопровождающее выравнивание давлений. Его лицо мало чем отличается от лица

дергающегося сервитора, вмонтированного в стену. Та же молочно-белая, почти прозрачная кожа, так же много техники, проводов

и кабелей, подключенных к вискам. Однако, в то время как глаза на дряблом лице сервитора пусты, во взгляде Железнодорожного

можно увидеть острый ум и решительность.

- Смах -- физический процесс истечения воздуха из легких. Он используется людьми для выражения радости, удивления, удовольствия, или, в некоторых случаях, неловкости, нервозности или насмешки. Какой из этих режимов коммуникации вы пытаетесь обозначить смахом?

Левый глаз Железнодорожного затеняет высококачественная аугметика. Линза сияет холодным синим светом, глаз

жужжит,

фокусируясь на помятом бенефициаре.

Армик внимательно смотрит на него.

Под слоем сажи и пота кожа бенефициара

выглядит как восковая.

Он узнает аугметический глаз

Железнорукого. В течение последних

сорока семи лет бионика -- это его жизнь.

Он узнает дело своих

рук, когда видит.

- Почему вы смеетесь, бенефициар Армик?

- повторяет Железнорукий.

- Ваш глаз, - шепчет Армик. -- Один из

таких. Он сделан на Шестерне-349.

- Верно.

Бенефициар подтягивает колени к груди

и судорожно втягивает воздух. Он

начинает раскачиваться. Лифт

вибрирует, с ревом

двигаясь сквозь недра спутника.

- Вы дрожите. Ваш сердечный ритм

составляет сто пятьдесят шесть ударов в

минуту и повышается. Гипервентиляция

легких,

уровень адреналина растет. Диагноз: вы
впадаете в состояние шока, бенефициар
Армик.

Бенефициар испуганно смотрит на
Железнорукого.

- Почему... Почему я еще жив?

- Ваши жизненные функции не нарушены.
Следовательно, вы живы.

- Вы собираетесь убить меня?

- Ответ отрицательный. Я брат Дольмен
из Ордена Железных Рука. Клан Кааргүл, 4-
ый Тактический, - говорит Железнорукий.

- Я не

убью вас. Перед лицом неминучей гибели
вы продолжили выполнять свои функции.
Ваши действия похвальны. Орден
наградит

вас за преданность. Вас ждет
Благословение железа.

- Я думал... Я думал, вы собираетесь
убить меня. За то, что я знаю.

- Что вы знаете?

Бенефициар Армик прекращает
раскачиваться и поворачивается к

Дольтеку.

- Я знаю, кто запустил коды перегрузки, освободившие заключенных Пенаторы JV.

Я знаю, кто все это начал...

- Кто?

- Это были вы. Агентус Астартес.

...

Подъетник со скрежетом останавливается. Нас обдаёт горячим воздухом, когда открываются тройные двери.

Первым выхожу я, подняв болтер. Целей не обнаружено.

- Угел, - говорю я.

Человек говорил ерунду. Делаю вывод, что это признак хрупкости и слабости. Последствия физического шока и травмы.

Единственные Агентус Астартес на этом мире -- я сам и четыре моих боевых братья. Ни один из нас не вводил кодов перегрузки, чтобы выпустить заключенных. Это предположение нелогично. Пенатора JV важна для Агентус Механикус, а следовательно, и для

Органа Железных Рук. Столь масштабные разрушения не несут никакой выгоды.

Быстро проверяю, не допустил ли я ошибки/неточности, выбрав его для Благословения железа. Отвергаю предположение через

0,054 секунды. Посттравматический синдром. Он укладывается в рамки моей первоначальной оценки

Мы находимся на верхних уровнях комплекса, менее чем в ста метрах от засушливой поверхности. Наверху виднеются альковы и

арки. Здесь темно, но темнота мне никак не мешает.

На мгновение мои датчики засекают что-то наверху. Я мгновенно прихожу в состояние полной готовности. Я сканирую тени. Вожу

по сторонам ауспиком, встроенным в аугметикку моего левого наруча. Целей нет. Мерцание. Целей нет. Опускаю болтер.

Я определяю местоположение сержанта Хальдаарна. Расстояние 22222222-- семь целых тридцать пять сотых километра. Человек

заметит меня, но он заслужил честь, которая будет ему дарована. Время у нас есть.

Они появляются из темноты, сверху. Они прятались и от взгляда, и от сканера. Их присутствие было сокрыто. Они спускаются,

движимые струями пламени.

Я поднимаю болтер.

Цель захвачена. Цель захвачена.

Для начала двое.

Мои системы выдают мигающее предупреждение на мой улучшенный глаз - акустический, сделанный на Шестерне-349. Они тоже

захватили меня в прицел.

Цель захвачена. А вот и третий. Он вырывается из трака и летит вниз со скоростью ракеты.

Я хочу выстрелить. Хочу

нейтрализовать угрозу.

Я не стреляю. Они тоже.

Они приземляются, двое сзади, один
спереди. Их керамитовые ботинки тяжело
врезаются в ребристую поверхность
напольного

покрытия. Металл чернеет от выхлопа
их прыжковых ранцев.

Они -- Агентус Астартес. Костиические
десантники.

На них темная броня, не черная, как у
того ордена -- кроме того, кто стоит
спереди. Броня остальных - темно-зеленая,
цвета

морских бездн. Тяжелые керамитовые
пластины покрыты балахонами.

Стоящий спереди единственный, кто одет
в черное, а его шлем кажется сделанным
из отполированной кости. У нас, Железных
Рук, нет капелланов, но я все равно узнаю
его.

- Темный Ангел, - говорю я.

...

- Мне станет более комфортно, если ты

опустит оружие, Железнорукый, - говорит
новоприбывший с лицом-черепом.
Человека

можешь отдать под наш присмотр.

Дольмек не подчиняется. Его болтер
нацелен точно в голову воина.

Стоящий напротив костодесантник
безоружен. Он даже не притрагивается к
вычурному крозиусу на бедре. Однако, два
Темных

Ангела по бокам Дольмека и бенефициара
Армика держат оружие наготове.
Плазменные пистолеты. Их катушки
горят мощью
пленных солнц.

- Твой комфорт меня не интересует,
капеллан, - говорит Дольмек. - И я не
отдам тебе этого человека.

- Я понимаю, что наше присутствие
здесь... неожиданно, - говорит капеллан, - но
позволь тебе напомнить, мы не враги.

- Вы глушите мой вокс-сигнал. Вы не
даёте мне связаться с боевыми братьями.

Священник кивает:

- Да. Понимаешь, ты не смог бы нас
установить, если бы мы решили взять его
силой. И никто никогда не узнал бы об
этом. Лишь из

уважения я прошу, вместо того, чтобы
просто потребовать.

- Повторяю, снимите блокировку вока и
подчинитесь.

- Этого не произойдет. Не будь дураком,
Железнодорожник. Мы - товарищи. Братья.
Этот человек важен для нас. Зачем он
тебе?

- Бенефициар Артик под моей защитой.
Любое нападение на него я буду
расценивать как нападение на орган
Железных Рук.

- Я не хочу нападать на него, брат,
говорит капеллан. - Я хочу лишь
поговорить с ним.

Артик знает, что это ложь. Само
присутствие Темных Ангелов излучает
угрозу насилия.

- Нет, - говорит Дольбек. - Он должен
получить Благословение железа. Теперь он

принадлежит Железным Рукам и я буду
защищать его соответственно.

Капеллан обращает на грожащего
человека взор своих горящих красным
цветом линз.

- Благословение железа, говоришь...
несколько секунд он пристально смотрит
на Артика. Из шлемов троих Темных
Ангелов

доносится несколько отчетливых
щелчков. Закрытая внутренняя вокс-сеть.

Внезапно два ветерана поднимают
оружие. Захват цели снимается.

Бенефициар Артик медленно, протяжно
выдыхает.

- Хорошо, - говорит капеллан. -- Вижу, я
ошибся, брат. Я не собирался проявлять
непочтительность к тебе или твоему

благородному Оргену. Мы получили то, за
чем явился, и я уверен, что мы можем
рассчитывать на благоразумие этого
достойнейшего человека...

Три Темных Ангела стоят неподвижно,
как изваяния, наблюдая, как удаляются

Дольтек и Арлик. Через несколько мгновений их поглощает темнота.

- Не понимаю, - говорит один из Темных Ангелов. -- Объект у нас, но этот человек знает, что мы сделали, чтобы получить его.

Железные Руки затребуют компенсацию, разве не так?

Бунт был обычной диверсией. Отвлекающим маневром, который позволил им проскользнуть внутрь и захватить свою истинную

цель -- одного из заключенных, который знает, где в последний раз видели их Мадшего брата

- Бенефициар получит Благословение железа, - просто отвечает капеллан.

- Почетная процедура? - спрашивает второй.

- В некотором роде. Весьма характерная для сыновей Горгона.

...

...

В течение девяти часов объединенное боевое отделение Хальдаарна удерживало Шестерню-001 против бунтующих заключенных

Пенаторы JV, обеспечивая гарантию того, что в беспорядках не будет разрушено сердце сооружения -- главный цех по производству

сервиторов. После первых семи часов закончились боеприпасы. Последние два часа сражение велось лишь оружием ближнего

боя. Четыре тысячи четыреста восемьдесят семь подтвержденных убийств. Железные Руки не понесли потерь.

После снятия осады прибыло восемнадцать полукозорт скитариев. В последовавшем сражении был убит еще четыреста семьдесят

один заключенный, и вскоре порядок был восстановлен.

Железные Руки отбыли с Пенаторы JV спустя девяносто семь часов после

выброски. Они вернулись на крейсер Ордена,

«Железную Волю».

Боевой брат Дольмен взял с собой
бенефициара Арлика.

...

Я не понимаю людей. И не хочу понимать.

Благословение железа - большая честь, но
бенефициар Арлик мычит как животное,
когда пила погружается в его череп.

- Ты уверен, что он этого достоин? --
спрашивает брат Доксгаарн.

Я пожалею о том, что говорю сейчас, но
решение уже принято.

- Он будет служить.

Его руки ампутируются и заменяются
благословенной сверхпрочной аугметикой.
Он кричит даже тогда, когда
присоединяется

бионика, но к тому моменту, когда в
нервную систему внедряются позвоночные
разъемы, крики стихают. Он хнычет и
стонет, но

кричать он уже не будет никогда. Вскоре
затихают и эти жалкие звуки. После

стирания разума в лоботомии нет нужды,
но она

упростит нейро-программирование.

Трансформация завершена.

Он больше не бенефициар Армик. Это иная
жизнь вместе со всеми его человеческими
слабостями. Теперь он сервитор. Он будет
служить, пока в нем не отпадет
необходимость, или пока не откажут его
системы. Но этого не произойдет еще
много сотен лет.

Я даровал ему великую честь. Теперь он
даже ближе к машине, чем я сам.
Выгорели все его человеческие чувства,
воспоминания

и страхи. Он на шаг приблизился к
божественному.

Я завидую ему.

Слава Отниссии.

...